

В. Н. Томалинцев

Геометрия духа

В статье представлен сравнительный анализ процесса усложнения и процесса изощренности как двух самостоятельных и взаимодействующих факторов культуры и творчества, во многом определяющих характер жизнедеятельности человека. При этом особое место уделено рассмотрению полярных форм человеческой активности – творчества и экстремизма. Показана теоретико-методологическая роль понятия «изощренность» в деле выявления скрытых механизмов развития, наглядной формализации (геометризации) процессуальных аспектов существования явлений и состояний культуры и социума.

Ключевые слова: культура, духовность, развитие, изощренность (острота), сложность, простота, творческая экстремальность, экстремизм, оптимальность

Vladimir N. Tomalintcev

Geometry of spirit

The article presents a comparative analysis of process complexity and process refinement (sharp, acuity) as two independent and interacting factors of culture and creativity, largely determines the character of human activity. This special attention is given to the consideration of the polar forms of human activity – creativity and extremism. The theoretical and methodological role of the concept of «refinement» in identifying the hidden mechanisms of development and visual formalization (geometrization) procedural aspects of existing events and conditions of culture and socium is shown.

Keywords: culture, spirituality, development, refinement (sharp, acuity), complex, simple, creative extreme, extremity, optimum

Усложнять – просто, упрощать – сложно.

Закон Мейера

В современных условиях глобального усложнения социальной жизни и техносферы, перед лицом серьезных экономических, технотронных угроз западная научная мысль выдвинула разработки, опирающиеся на синергетический подход, согласно которому «имеет место саморазвитие материи, ускоряющаяся, а главное – усложняющаяся динамика материи, что относится не только к неорганическому и органическому мирам, но и к человеческим сообществам»¹.

Под влиянием представлений синергетики, впервые высказанных И. Пригожиным и И. Стенгерсом², в западной социологии сложилась концепция сложного общества (или сложного человека). По мнению специалистов, работающих в этом направлении (англичане – Дж. Урри и З. Бауман, немцы – У. Бек и Н. Луман, американцы – Дж. Александер и М. Кастельс – исследователь испанского происхождения и многие другие) сложный социум «конкретно проявляется в увеличивающейся тенденции его самоорганизации, нелинейности и альтернативности развития, а точки бифуркации, которые ранее являлись своеобразными вехами в мировой истории, по существу, становятся нормой»³.

Сложный человек? Допустим. А как быть с вековой мудростью, которая гласит: «все гениальное просто», «изысканная простота»,

«краткость – сестра таланта» и множеством подобных оценочных суждений? Определение «сложный» предполагает и наличие противоположного понятия «несложный», «простой». Но что просто в этом мире? Разве проста окружающая человека живая и даже неживая природа? А космос? Мы еще не выяснили, каковы элементарные основы не только духовного, но и материального мира.

Вопрос состоит лишь в том, что человек оказывается на порядок сложнее, а в своем точном определении изощреннее всего живого на земле, и такая же иерархическая дифференциация присутствует внутри самого человеческого сообщества.

Если обратиться к сложным явлениям, процессам и ситуациям, то, как правило, они просчитываются и анализируются, раскладываются на элементы, а их последствия прогнозируются. Иное дело ситуации, состояния критические, экстремальные или острые, которые не всегда поддаются однозначному объяснению, даже со стороны специалистов, в которых каждый элемент отличается многозначностью, многофакторностью, где последствия непредсказуемы, а границы размыты и неразличимы.

Абсолютизация сложности разрушает целостность жизни, в том числе целостность духовного бытия. Ведь целостность включа-

ет в себя и сложное, и простое, в то время как развитие идет галсами, так как движение происходит от простого к сложному, от сложного к простому и обратно. Из этих петель соткана вся ткань, вся хитрость и вся изощренная сила жизненного духа. Хорошим примером здесь может служить простое летучее соединение – вода (H_2O), состоящее из двух частей водорода и одной части кислорода. Состав воды прост, но какие изощренные формы, какие удивительные превращения она принимает. Океаны, моря, озера, пруды, реки, гейзеры, водопады, ключи, источники, родники, болота... Вода пресная и соленая, вода жидкая, твердая (лед), газообразная (пар, туман). Она и дождь, и снег, и роса, и капель, сок и нектар, пот и слезы. Вода владеет всеми цветами радуги, в зависимости от условий она голубая, зеленая, желтая, серая, прозрачная, как стекло. Вода – основа, источник разнообразной жизни не только на Земле, но и во всей Вселенной. Вода питает и очищает. Вода – строитель и разрушитель. Вода! Вода! Вода! Определяющая климат (теплые или холодные течения вод, ледники). Она порождает, лечит и убивает.

В свою очередь, человек столь же и несложен, и непрост, или, напротив, и сложен, и прост одновременно, поскольку он изощрен. И это его качество вполне определяет социально-экономические, культурно-исторические, нравственно-психологические аспекты его физического и духовного бытия.

Развитие природных явлений, включая человека, проходит не только путем умножения, прибавления, приращения, но и путем потерь, отказов, избавлений, а также сознательных ограничений. Таким образом, развитие человеческой культуры, пульсирующей между полюсами приумножения и утрат, часто напоминает детский калейдоскоп, в котором только что созданные узоры рассыпаются от едва заметного движения, поворачиваясь к нам новыми гранями.

Сложность – результат рационального начала или расчета. Творческая изощренность, сохраняющая сложность на разных уровнях своей структуры, не проявляется вне эмоционального начала, нередко становясь итогом просветления, наития, озарения, искусства. Сложность возникает под влиянием известного уровня рассудочности, совокупности технологий. Сложность умышленна. Подлинная изощренность, включая в себя сложность, в большей степени обращена к интуитивному чувству, эвристике, говоря образно, к чуду. Она промыслительна. Изощренность не ограничивается опорой на разум, а в полной мере использует и чувственное, и подсознательное, то, что мы часто определяем как даровитость или талант. Интересный пример столкновения

и сопряжения двух этих начал зафиксирован историками архитектуры, отметившими тот факт, что Ле Корбюзье в 30-е гг. XX в. строит в Москве дом как машину (просто, функционально), в то время как под его домом строили метро-машину, как дворец, используя мрамор, художественную бронзу, лепнину, мозаику.

В своей предельной идейной основе сложность – умножение слоев. Изощренность – их минимизация и освобождение **сущностного слоя**. Отсюда и разный подход, разные технологии, которые теснейшим образом соприкасаются и взаимодействуют. Человек настолько же разумен, насколько технологичен. Поэтому он доводит свои действия не только до совершенства, но часто до крайности, а то и до абсурда. Основная технология, которую повсеместно использует человек и которой подчиняются остальные технологические его приемы, – это технологии утончения, оттачивания, обострения. Это придает характер рафинированности, отточенности всему, с чем бы человек ни соприкасается: вещам, явлениям, процессам, особым состояниям. На данном пути развития особенно опасны и ошибочны односторонние обострения, проявляющиеся как на уровне сознания, так и действий, ведущих к порождению противоречивых -измов (коммунизм – капитализм, идеализм – материализм, патриотизм – космополитизм, национализм – нацизм, тоталитаризм – либерализм и т. д.). Иначе говоря, опасен идеологический и профессиональный монизм, заточенный на решение только узких, субъективных задач, игнорирующий все многообразие живой жизни, ее наиболее существенную адаптационную функцию.

К. Маркс и Ф. Энгельс обвинили буржуазию в том, что она навязала доминанту потребительства и накопительства всему обществу, лишив его устремлений ко многому иному, более достойному и благородному. Сегодня с сожалением приходится признать, что стяжательство и корыстолюбие не есть вина одной буржуазии. Это проявление одной из сторон самой человеческой природы. Об этом свидетельствуют экстремальные принципы и закономерности развития. На это указывает весь опыт СССР, строившего общество на новых социалистических основах, на принципах справедливости, равенства и братства и через семьдесят с небольшим лет сошедшего на старую колею рыночных отношений, отягощенных рецидивами экстремизации нравов, вульгарного торгашества, тупого, прямолинейного негоцианства. Этот исторический опыт бунтующего человеческого духа, восставшего против стихии спонтанных экстремальных сил, ясно демонстрирует, что

духовное становление человечества не может идти вперед, опираясь единственно лишь на инстинкты, либо исключительно на сознание, услужливо подбрасывающее нам идеальные представления. Это также пример того, как без учета реальных экстремальных принципов, участвующих в развитии жизнедеятельности человека, мы никогда не сможем повлиять на преобразования человеческого общества в позитивном, оптимистическом ключе.

До сих пор человеку удается так или иначе справляться с созданными им технологиями, контролировать их, но только благодаря тому, что они имеют локальный, ограниченный характер. Уже в скором времени технологии человека (ядерная энергетика, генно-модифицированные продукты, генная инженерия, синтетическая биология, робототехника, искусственный интеллект и др.) приобретут тотальный, универсальный характер, и тогда окажется достаточно одного технологического сбоя, мельчайшего неучтенного нюанса чтобы погубить все живое на Земле.

Понятие изощренности призвано к осмыслению и обозначению всего многосложного, сверхсложного, суперсложного, а также того, что выходит за рамки этих определений.

Следует заметить, что концепция сложного человека не столь нова. Неправомерное отождествление понятий «совершенствование» и «усложнение» было свойственно теоретикам и (в большей степени) практикам барокко XVII–XVIII вв. (Грасиан, Марино, Тезауро, Перегрини, Гонгора и др.), которые ввели понятие «изощренность» в научно-теоретический обиход, на основе чего строили свою как эстетическую, так и этическую концепции, что во многом определило их теорию личности. Суженная трактовка понятия «изощренность», сведение его к понятию «усложнение», неспособность уяснить разностороннюю, спектральную направленность скрытого под этим понятием явления, определяющего собой важнейшее универсальное свойство процесса развития, явилось крупной и существенной ошибкой всей теории барокко, в конечном счете определившей ограниченность ее и незавершенность⁴.

Задумавшись, в самом деле, можно ли античных софистов, которых еще Платон называл изощренными, считать благоразумными, в то время как они, (обучая философии за деньги), использовали любые уловки и ухищрения для доказательств не только неразумных, но часто вредных вещей. Тем более трудно сказать, чего в диспутах софистов, как и их современных идейных последователей, больше – переусложнения или упрощенчества. В отличие от дешевых софизмов, зрелая творческая изощрен-

ность – это не пустые потуги извращенного сознания. Напротив, это созидательный результат и **волевой акт**. Это всегда новый, выстраданный ход. Он неизменно безупречен и оригинален уже в силу своей отточенности. И, если усложнение нагружает психику, изощренность пробивает зачерствевшее, окаменевшее сознание, пронзает, прорезает духовное пространство, освобождая путь для движения вперед и вверх.

Важно отметить то обстоятельство, что критерий подлинной творческой изощренности человеческой деятельности лежит не в области усложнения (вспомним великих аскетов, монахов-отшельников, столпников и др.), но в области оптимизации, аккомодации процессов и явлений. В самой этимологии слова «изощренность» (от старо-славянского «острить, вострить, изострять») содержится ключ к технологичному, операциональному пониманию развития, взятого вне зависимости от морально-нравственных оценок.

Может ли добро быть сложным? Наверное, может. Но более всего оно должно быть тонким, деликатным, ненавязчивым. Может ли зло быть сложным? Пожалуй, да. Но скорее, до поры, оно предстает утонченным, рафинированным, латентным (скрытым).

Бесконечное усложнение (как и бесконечное упрощение, опрощение) ведет к деградации, к тому моменту острого пресыщения, который настоятельно требует иных новых решений – оптимизации. Так уже представители умеренного барокко признавались, что психика человека начинает уставать от произведений переусложненных, перегруженных, перенасыщенных замысловатыми элементами. В результате на смену стилям барокко, нашедшей свое продолжение в рококо, приходят классицизм, неоклассицизм, ампиры с их умеренностью, упорядоченностью, простотой.

Во всех своих действиях без исключения человек подчиняется некоему внутреннему эмоциональному приказу. Независимо от того, откуда тот исходит первоначально: от ненавистного руководителя, многоуважаемого авторитетного лица или продиктован сложившимися обстоятельствами, работой внутреннего голоса, требованиями совести... Главное здесь то, что приказ должен стать внутренним импульсом, который для действующего субъекта в данный момент обладает максимальной степенью остроты и перекрывает все иные импульсы и желания. Говоря иначе, здесь срабатывает механизм конкурентоспособности, действующий в эмоционально-рефлекторной сфере человека, что образно можно представить как рынок или аукцион эмоциональных импульсов и рефлексов. Ибо, подобно тому, как проходящий по ярмарочным рядам скупает не все подряд, что

приглянется, так и в жизни не любое желание и не всякая прихоть превращаются в активное действие. Человек способен действовать при условии, что его вождление переходит в фазу острого или обостренного желания.

Избыточность, искусственное нагнетание развития тщетны, особенно в духовно-культурной сфере. Но именно здесь человечество, как будто, «подсело на иглу» (иначе и не скажешь), превратив массовую культуру и искусство, да и мировую экономику (хозяйственную деятельность), в подобие наркотических средств, непрестанно требующих увеличения дозы. В музыке знак крещендо означает постоянное усиление звука. Западная, европоцентристская культура постоянно идет по пути усиления инновационного развития. Но тут нужно иметь в виду коварство феномена изощренности, поскольку адренилиновая зависимость, жажда острых впечатлений, экзотических переживаний может оказаться ловушкой, реализуясь на пути всеобщего отрицания, примитивизации, опрощения. Сегодня тенденция постоянного возрастания, открытого стремления пощекотать нервы доминирует в экстриме (экстремальные виды спорта, отдыха, развлечений), в целом ряде автономных молодежных субкультур. В связи с этим следует вспомнить слова И. Г. Гердера, который отмечал, что «природа краткость наслаждения восполнила остротой чувств, а расхождение энергий возместила более глубоким ощущением сил»⁵.

В строгом философском смысле изощренность представляет собой качественные или количественные колебания внутреннего и внешнего контуров мира человека, прямо или косвенно воздействующих на весь процесс развития его жизнедеятельности. Дефиниция изощренности, выступая гуманитарным эквивалентом естественнонаучной категории экстремальности, призвана фиксировать важнейшие проявления материальной и духовной жизни, которые в самом общем виде выступают в форме цикличности, вибрации, колебательных движений, волновых эффектов. В пиках и вершинах этих явлений вырабатываются и содержатся антиэнтропийные импульсы творческой энергии, сохраняется весь энергетический потенциал, накопленный человеческим гением и воплощенный в различных проявлениях человеческого духа.

Определению «изощренность» принадлежит существенная роль в системе градации, поскольку оно выступает градиентом (от лат. *gradiens* – «шагающий») – мерой возрастания или убывания в пространстве какой-либо предельной, крайней, пограничной или экстре-

мальной величины физического или духовного порядка.

Понятие «изощренность» («острота»), в отличие от категории сложности, имеет свое логическое основание, которое выводит нас на новый уровень понимания реализации механизма поступательного движения, развития и предоставляет возможность наглядной схематизации процессов, выраженной в их геометризации.

Формализация процессуальных аспектов бытия, в том числе в области становления и развития человеческого духа, остается актуальной проблемой современного знания, направленного на обнаружение общих фундаментальных и абстрактных черт, законов и закономерностей, присущих процессам развития.

Уже обращаясь к периоду зарождения жизни на Земле, можно выявить символическую и сугубо прагматическую роль геометрических образований, в частности треугольных конфигураций, конусообразных и пирамидальных форм, служащих задачам оптимизации и адаптации протекающих процессов, организации их взаимодействия в живых системах. С момента возникновения гидротермальных (щелочных) **конусов** на дне океанов, актуализирующих химическую энергию через химические ингредиенты, со времени появления первых хищников Анамалокарисов с острыми зубастыми ртами (Кембрийский период, около 510 млн лет назад), Трилабитов с их колючками и шипами, последовавшими за ними первыми ракообразными, также вооруженными шипами и острыми клешнями, был запущен, по меткому определению биологов, процесс «гонки вооружений у живых организмов», что ускорило процесс эволюции на Земле. И, как любой иной процесс, он пошел по пути обострения. По словам Гердера: «Лестница постепенного развития, **уточнения** (выделено мной. – В. Т.) проходит через всю низшую природу»⁶. В свою очередь, человек (человечество), обретя острый разум, предстает как результат обострения процесса развития самой жизни на Земле.

В своем природном и культурном восхождении человек подчиняется закону «постоянства углов», наиболее наглядно проявляемому в кристаллографии. Поскольку в овладении преимуществами принципа редукции, успешно реализуемого в методах и приемах концентрации, аккумуляции (сужения, стягивания во едино, сведения в одну точку), содержится вся сила человеческого духа. Это ясно видно уже на примере остро заточенных или точно отколотых под правильным углом каменных орудий труда первобытного человека. В том числе, на примере

первой костяной иглы, которой 40 тыс. лет назад эвенки уже сшивали шкуры оленей. На примере остроконечных крыш-капюшонов большого монастырского комплекса в Каппадокии – архитектурного памятника первых христиан, высеченного в скалах Гюреме (Турция) в VI–IX вв. Остроконечные формы прослеживаются не только в элементах западного зодчества, но и в вогнутых, устремленных к небу, углах восточной архитектуры.

С учетом требований фортификационной геометрии строились военные укрепления. В звездообразных итальянских крепостях эпохи Возрождения бастионы выступали углами со скошенными стенами, с которых соскальзывали снаряды. Мало того, угловые выступы обладали фасадами – гранями, прикрывающими стены крепостей. Наклонная стена (наброска) – усиливающий элемент крепостей, предохраняющий от землетрясений, был известен и средневековым строителям Ближнего Востока.

Как известно, культурное развитие происходит в условиях изменяющегося постоянства, что затрудняет объяснение механизма возникновения нового, тем более, если новое понимается как «невыводимое из наличного бытия» (В. Н. Сагатовский). Ведь, строго говоря, из наличного бытия выводима только изощренность, т. е. старое, доведенное до новой степени отточенности, где новое предстает не в виде некоего клона или продукта, сошедшего с конвейера, и не в виде очередной фантазмагории, но как нечто утонченное, в высшей степени отточенное, либо заточенное по новому, под иные задачи, потому и более действенное, т. е. способное к большей пронизательности, пронзительности, проникновенности.

В контексте наших рассуждений важно отметить, что заточка, как указывают учебники и энциклопедические словари, – это «операция, обеспечивающая надлежащие режущие свойства инструментов путем придания их рабочим частям определенной геометрической формы»⁷. Последнее – чрезвычайно важное условие, поскольку процесс развития проявляется все в той же геометрической конфигурации, которую отличают конусность или пирамидальность («пирамида роста», «конус развития» и т. д.). В самой основе данных форм лежит угол – геометрическая фигура, состоящая из точки и двух лучей, исходящих из этой точки.

Издавна островерхая, остроконечная форма, графически изображаемая как гипербола, парабола или синусоида, символизирует пульсацию жизни, подъем и спад культурных процессов, взлеты и падения человеческого духа.

Треугольник остается интересен тем, что является самой устойчивой фигурой, и это та

единственная геометрическая фигура, на которую без остатка делятся все остальные.

Проявления, в самой своей основе содержащие момент обострения, характеризуют изощренность как стихию, во многом определяющую развитие природной среды и культурной активности человека, которого наравне с природой необходимо рассматривать как самозаточивающуюся систему.

Вместе с тем остается основной и самый тяжелый вопрос эволюции и прогресса – что дальше? Социальные процессы и явления, как все прочее, в ходе своего развития стремятся преодолеть путь от основания пирамиды до ее вершины, оптимальной точки. Однако в реальной жизни конус развития может быть усечен, смещен, перевернут на 180°. Реальная действительность и представляет собой взаимодействующую совокупность бесконечного количества таких разнообразных конусов и пирамид. При этом принципиальная схема подобной конфигурации остается справедливой для любых процессов, имеющих как прогрессивный, так и деструктивный характер. Отличие негативного конуса развития от позитивного состоит лишь в том, что его вершина (острие) направлена в противоположную сторону.

Почему при характеристике процессов жизнедеятельности человека категория изощренности оказывается точнее, глубже, фундаментальнее господствующих ныне определений, таких как тренд, тенденция, курс, направленность, ориентация, уклон? Не потому ли, что последние не содержат в себе прогностического момента. В них отсутствует даже намек на стратегическую контрольную функцию реализации движения. А это значит, что игнорируется неизбежный этап кульминации, апогея развития, его выход на вершину, пик максимальной исчерпанности, что и составляет острую фазу (кризис) в едином вялотекущем до поры процессе обострения. И здесь коническая, треугольная форма выступает как первичная, исходная и определяющая в структурном развитии материального и духовного мира. Треугольник в данном случае важен как графическое отображение целостности процесса, как формализованная целостность развития. В этом заключена чрезвычайно важная методологическая значимость понятия «изощренность» и всех его производных, таких как отточенность, утонченность, пронзительность, пронизательность, обостренность и др. На это указывал еще Пифагор, считавший, что «треугольник есть первоисточник рождения и сотворения различных видов вещей преходящих»⁸.

С недавних пор физики обратили особое внимание на картину микромира, представлен-

ную Платоном в работе «Тимей». В ней древнегреческий философ, обобщив и развив древнеиндийские и пифагорейские представления о строении вещества и устройстве мира, изложил свои физические идеи, и выдвинул мысль о том, что все вещи состоят из треугольников. «Во-первых, – пишет Платон, – каждому, разумеется, ясно, что огонь и земля, вода и воздух – суть тела, а всякое тело имеет глубину. Между тем, любая глубина по необходимости должна быть ограничена некоторыми поверхностями; притом всякая прямолинейная поверхность состоит из треугольников»⁹. Отсюда и «платоновы тела», которые всегда привлекали исследователей.

При освоении физической и духовной энергии человек на протяжении всей своей истории успешно использует факторы конденсации, консолидации, усугубления, нагнетания и напряжения. Уже обычная печь выступила могучим средством сосредоточения жара-огня. Теория волновых коллапсов, сосредоточения энергий или фактор сжатия в нашу эпоху максимально сработали в термоядерном оружии, в частности, в созданной советскими учеными водородной бомбе – в системе, известной под названием «слойка», автором которой явился академик А. Д. Сахаров, где слой урана перемежается со слоем тяжелого металла, что и обеспечивает ускорение реакции.

По пути геометризации действительности шли многие представители авангардного искусства. Среди них Павел Чельшев, назвавший свои геометрические фантазии (в которых преобладали треугольники, ромбы, углы) «ангельскими портретами». В той же манере он пытался изобразить рай, но эту серию картин ему не удалось завершить.

Анализ истории человечества (культурной, хозяйственной, политической) ясно показывает, что сознание часто бессильно перед логикой процесса изоэдренности, который опирается в большей степени на эмоции и чувства и разворачивается до тех пор, пока не придет в тупик. На самом деле парадокс состоит в том, что человек, как в лабиринте, идет по пути усложнения, в тайне надеясь, что тот выведет его к упрощению, облегчению, скрашиванию повседневного существования.

Несмотря на то, что мир во многих своих формах предстает округлым, для человека он часто оборачивается острыми углами элементов, составляющих круг или шар – секторов, сегментов, квадрантов. Обращаясь к кульминациям противостояний, борьбы, столкновений, как правило, говорят об **остроте** действий, **обострении** момента. Определяя вершину мастерства, его характеризуют как некую **утон-**

ченность, тонкость, отточенность. В данном контексте семантически корректными оказываются даже те определения, которые, на первый взгляд, кажутся оксимороном. Так, в свое время, Л. Д. Троцкий назвал И. Сталина «изоэдренной посредственностью». Оставляя в стороне справедливость подобной оценки, отметим лишь, что в этом высказывании гениально продемонстрирована универсальность понятия «изоэдренность», служащего для определения высшей предельной степени всего, что находится внутри или выходит за рамки сложности.

«Вещи растут, а вместе с ними растут и их тени», – утверждает Гегель. О том, что творчество и экстремизм выходят из одного корня, свидетельствует сам язык. Достаточно сравнить общую характеристику экстремизма – «**крайние** социально опасные действия» и творчества, которое всегда находится «на **переднем крае** прогресса общественного развития». В обоих случаях ключевым является слово «край» (от лат. «*extremus*»). Отсюда вырастает вся современная научная терминология, составляющая понятийно-категориальный аппарат общей, естественнонаучной и социальной экстремологии (экстремальность, экстремумы, экстремаль, экстремизм, экстрим, экстрем и др.).

Приближаясь к краю процессов и состояний, понуждаемый своей неумемной фантазией и изобретательностью человек обретает новые возможности, которые прямо связаны с острыми ощущениями и переживаниями. На этом пути возможны ситуации, когда притупляются, отмирают старые эмоции и впечатления, задействованные с ними нервные клетки, нервные окончания и обнажаются новые, привносящие порой еще более сильные, яркие ощущения, но, вполне возможно, губительные, даже гибельные для человека, которые по этой причине зовутся порочными или греховными.

Не сложность, от которой скоро устают, а тяга к экстремальности, потребность в изоэдренности толкают к краю, зовут на край. Но к краю не подойдешь запросто, с ходу. К краю необходимо приближаться шаг за шагом. К краю, чтобы не сорваться, порой нужно подползать, карабкаться, раздирая пальцы в кровь. Поэтому, в самом широком смысле, осуществление таких шагов – удел не только отдельных индивидуумов, но и целых поколений.

На этот счет известны признания многих творческих людей. Например, у Владимира Высоцкого в стихотворении «Кони привередливые» находим:

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю-погоняю,

Что-то воздуха мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую с гибельным восторгом: «Пропадаю, пропадаю!»
... Я коней напою, я куплет допою –
Хоть мгновение еще постою на краю!..

Эмоциональная острота восприятия края по восходящей (творческой) и нисходящей (экстремистской) траектории выступает в качестве объективной реальности, вырастающей из реальности субъективной, так как объективная острота внешнего проявления и субъективная острота восприятия при столкновении порождают или активизируют действие. При этом в культурной деятельности человека присутствует острота естественного и привнесенного свойства, т. е. острота переживаний сущностная и навязанная, наносная. Поэтому стремление к изощренности способно проявляться как в общих, высших или вполне абстрактных идеях, таких, например, как справедливость, свобода, равенство, братство, либо в чем-то сугубо прагматическом, конкретном, меркантильном, обывательском.

Процесс изощренности питают такие социально-психологические факторы, как подражание, соревновательность, заражение, мода. В большей своей части экстремизм – это изощренность, находящаяся ниже порога сознания, а, значит, вне его контроля. Это либо выражение скорбного, окаменелого бесчувствия, либо перевозбуждения, эйфории. Но где предел экстремизации сознания? Где граница, которую в своем развитии человечество не должно перейти ни при каких обстоятельствах? Такой вопрос во второй половине XX в. поставил академик Н. Н. Моисеев, проанализировавший возможные последствия атомной войны и первым указавший на то, что в этой войне победителей не будет, так как она неизбежно ведет к гибели всего живого на Земле в результате наступления «ядерной зимы».

Угрозы, вызовы и риски подвижного, неумолимо меняющегося бытия исходят от незнания пределов как уже активно действующих, так и вновь разворачивающихся процессов, в которых возникают качественно различные уровни все более сложных и все более тонких структур, сопровождаемых силой инерции, подчиненных экстремальным законам и принципам, воздействию сознания и эмоций человека. В точках бифуркации при выборе дальнейшей траектории движения притяжением для человека служит не усложнение само по себе, а поиск своего личного конуса самореализации, вписанного в общий, генеральный конус общественно-исторического развития. От сумятицы процессов и состояний данный поисковый комплекс защищает система

переходов от простого интереса к увлечению, от увлечения к азарту, и, наконец, к всепоглощающей страсти, что может найти выражение во вполне здоровом творческом энтузиазме, а в ином случае – обернуться болезненным пристрастием, патологической маниакальностью. Этот психологический механизм во всей своей широте присущ единственно человеческой личности. На данный механизм психической деятельности в свое время обратили внимание физиолог А. А. Ухтомский, давший ему наименование «доминанта», и психолог Д. Н. Узнадзе, обозначивший этот феномен как «установка». При этом нельзя не видеть, что определение «изоэренность» гораздо более объемно. Выражая системный экстремальный принцип развития природной и культурной среды, оно указывает на скрытые технологические нюансы, внутреннюю, сущностную логику процесса развития, вскрывает важную роль постепенного, последовательного формирования этапов и уровней поступательного движения, идущего по пути утончения, а, значит, усовершенствования и прогресса, либо в обратном направлении, не исключая путь истончения или переутончения.

В ускоряющемся мире все быстрее меняются оценки, взгляды, а с ними приходят новые настроения, процессы с присущими им кризисами и обострениями. Однако слишком частая переоценка ценностей, смена устоявшихся мнений толкает к адреналиновой зависимости, к поиску новых острых ощущений, к простому желанию пощекотать нервы, т. е. к поверхностному, а, по сути, экстремистскому мирозерцанию. А при таком умонастроении остается полагаться не столько на рациональность усложнения, сколько на то, куда, как говорится, «кривая вывезет». И тут, право, неизвестно, что хуже – рутина традиционализма или рутина новаторства, не приносящая порой ничего кроме диких выходов и разного рода кунштюков.

Следует еще раз повторить, что опасность процессуальных сторон жизни, даже самых прогрессивных, состоит в их нагнетании, в бесконтрольном или откровенно корыстном наращивании оборотов. Находясь в плену у передержек, следуя на поводу у крайностей, человек приходит к извращениям и издержкам, в результате чего полезный, с педагогической точки зрения, детский труд может превратиться в жестокую эксплуатацию детей; а справедливое, заслуженное родительское наказание может вылиться в выволочку, глумление или издевательства над собственным ребенком. В подобных случаях здоровый патриотизм становится шовинизмом или нацизмом, демократия – социальным хаосом, консерватизм – тоталитаризмом, эротика – пор-

нографией и т. п. В результате границы нормы, меры, допустимых пределов размываются, несмотря на обещания и посулы, данные прежде. Все вдруг приобретает формы грубой экспансии, подчиненной логике одностороннего, однобоко воспринятого, несбалансированного обострения. В этом отношении весьма интересна и поучительна мысль, высказанная известным пианистом, профессором Ленинградской консерватории Н. Е. Перельманом: «Плохой учитель тот, которому ученик ни разу не сказал, что прошлый раз Вы меня учили обратному». Иными словами, учитель должен пресекать слишком резкое, излишнее рвение в следовании его советам.

В любой системе живет стремление необходимых этапы развития пройти кратчайшим, наименее затратным, оптимальным путем. Именно нахождение такого пути определяет силу человеческого духа. Именно такой путь служит возвышению человеческой личности. Вместе с тем достижение оптимальности в субъективном мире человека, в силу его противоречивости и многопараметричности, оказывается не столь простым вопросом. Различные субъективные установки, ментальные расхождения между людьми приводят порой к ситуациям, когда конусы развития с противоположными целевыми зарядами на оптимум разворачиваются таким образом, что своими вершинами – остриями идут друг на друга, грозя вспороть и уничтожить один другого. Это касается и структурной оптимизации, достаточно представить ее в виде многоугольников. Таким образом, для одного оптимальным действием будет совершение преступления и благополучный уход от ответственности, а для другого, напротив, оптимальность состоит в том, чтобы максимально быстро (по горячим следам) обезвредить преступника, восстановив тем самым законность и справедливость. В одном случае, оптимальность – это достойная оценка вложенного труда, в другом – то, что сегодня называется «оптимизацией налогов» (максимально безнаказанный уход от них) или другие экономические схемы криминального характера. Вот почему оптимизация работы и взаимодействия государственных институтов, социальных и общественных структур требует особого искусства, состоящего в тончайшей наладке, настройке всех составляющих их сторон: политико-экономической, культурно-исторической, нравственно-психологической и др.

Всякое событие, если оно не прервано искусственно, должно исчерпать логику своего развития. Этот процесс реализуется путем достижения логического предела, пусть и в условиях кризиса, когда обнажается чистая идея со всеми плюсами ее и минусами.

Человек в процессе своей истории изощрял все, к чему только ни прикасался, начиная с выражения любви и кончая проявлениями ненависти, от обрядов рождения – до обрядов погребения. Это касается приручения огня, одомашнивания животных, развития языка, сферы искусств, технологий. В Китае думают, как прожить подольше, а в Японии, как умереть более достойно.

В сущности феномен изощренности отвечает общим представлениям о выразительности и виртуозности. Например, в музыке виртуозность понимается в двух смыслах: как быстрота исполнения (быстрый разум) и как чистота, безошибочность исполнения (точность, безупречность мысли и действия).

Тонино Гуэрра в рассуждениях об истории архитектуры с особой теплотой отозвался об углах, которые «держат эти старые стены». Подобное размышление об углах вполне приложимо к области становления человеческого духа. Ведь человеческая культура, как и любая другая, стоит на опорных углах, составляющих систему экстремальных координат, включающих взаимодействие экстремумов добра и зла. Ибо человеческая деятельность, возникнув в процессе обработки камня, кости, дерева, что способствовало виртуозному овладению человеком всеми членами собственного тела, а также голосом, мыслью, словом, оказалась той сферой земного, вселенского существования, где формы все более отточенного, изощренного воображения применены с наибольшей экстремальной силой.

Примечания

¹ Кравченко С. А. Сложное общество: необходимость переоткрытия морали // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб., 2011. Вып. 8. С. 78.

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 2001; Их же. Время, хаос, квант. М., 1994.

³ Кравченко С. А. Указ. соч. С. 78–79.

⁴ См. подробнее: Томалинцев В. Н., Козлов А. А. Введение в социальную экстремологию: учеб. пособие. СПб., 2005; Томалинцев В. Н. Экстремаль России: прогноз развития. СПб., 2007.

⁵ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 107.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ Энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1953. Т. 1. С. 634.

⁸ Таранов П. С. Анатомия мудрости: 120 философов: в 2 т. Симферополь, 1996. Т. 1. С. 83.

⁹ Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 457.